

ЖАЖДА ИСПОВЕДАНИЯ

(ПРОЗАИЧЕСКИЙ ЦИКЛ В. БЕЛОВА
«ВОСПИТАНИЕ ПО ДОКТОРУ СПОКУ»)

Вероятно, сердце каждого из нас
точит ничем не утоляемая жажда
исповедания.

(Дневник нарколога...)

Все рассказы В. Белова, объединенные автором в цикл («Плотницкие рассказы», «Моя жизнь», «Воспитание по доктору Споку», «Свидания по утрам», «Дневник нарколога...», «Чок-получок»), — своеобразные исповеди героев. Автор всем предоставил возможность сказать свое слово: Олеше Смолину и Авинеру Козонкову, Косте Зорицу и Тане, бабушке и врачу-наркологу... Читатель узнает историю их жизни, их мысли, надежды, самое сокровенное.

Что же объединяет всю эту многоголосицу повествования, что связывает таких разных героев? Почему в процессе чтения все сильнее чувствуешь настоятельную необходимость объединить их, дать возможность им оглянуться, посмотреть и увидеть других и себя? И почему живущие «под одной крышей» по воле авторского замысла, они все же так далеки друг от друга?

Родной дом словно жалуется
на старость и просит ремонта...

(Плотницкие рассказы)

Все, казалось бы, вполне самостоятельные и законченные рассказы цикла (они ведь и печатались долгое время в разных изданиях) объединены общей проблемой: проблемой взаимоотношения старого и нового. Старого и нового поколений, старого и нового быта, образа жизни. Не случайно в самом начале «Плотницких рассказов», открывающих весь цикл, читаем: «Но я знаю, что ремонт был бы гибелью для дома: нельзя ворошить старые, задубелые кости. В таких вовсе не редких случаях лучше строить новый дом бок о бок со старым, что и делали мои предки ископ веку. И никому не приходила нелепая мысль до основания разломать старый дом, прежде чем начать рубить новый».

И именно здесь, в «Плотницких рассказах», звучат исповеди старых людей, людей старшего поколения — Олеши Смолина и Авинера Козонкова. Перед читателем проходит вся их жизнь: от сложного времени периода становления Советской власти до наших дней. И поскольку рассказы героев — о самих себе, на первый план выступает проблема формирующегося самосознания человека, личной ответственности. (То же можно сказать о всех остальных героях цикла. Мы видим явную установку на оценку себя, прожитой жизни.) Сравнивая жизни Олеши и Авинера, живших по соседству, друживших с детства, невольно задаешься вопросом: откуда же

такая разность взглядов, характеров, в конечном счете — судеб героев?

Разное у них прежде всего отношение к жизни, противоположен их выбор жизненного пути: Авионер может отобрать ягоды у Тани, украсть в лавке кусок ткани, сбросить исконон веку висевший в деревне колокол, легко выполнять «директивки», поступающие из района. Даже раскулачить семью трудолюбивого зажиточного Федуленька, в которой живет приглянувшаяся ему Таня,— и это ничего не стоит Авионеру.

Олеша Смолин вместе с Вишькой и в «грабеже» ягод участвует, и украденную ткань в конце концов соглашается оставить, но только нет у него при этом легкости, ухарства, а томит его и мучит совесть. И наконец, при несправедливом раскулачивании семьи Тани Олеша говорит «нет»: не может и, главное, не хочет он больше поступать не по совести. Постепенное обретение таких качеств, как духовная самостоятельность, социальная активность, возвышает героя. И хотя жизнь его протекает негладко, Олеше легче преодолеть «обиды жизни» (о которых упоминают все герои цикла в своих исповедях). Познавший многие невзгоды и обиды, он говорит: «Была вина, да вся прощена».

Не такое настроение у Козонкова: не оценили его «заслуги», не начислили персональную пенсию «активисту». Да и вообще жизнь пошла не в пример прошлой: «Народ совсем осатаел, дисциплина худая, напряжение у нервов ослабло. Приказов не слушают, только пекут белые пироги».

Все не так для Козонкова, все плохо. А может быть, и не в жизни окружающей дело?

Конечно, не только от личного самосознания и выбора отдельного человека зависит его жизненный путь. Не случайно автор проводит параллели и между отцами Олеши и Авионера. Если у Олеши отец — труженик, и в мирное, и в военное время честно выполняющий свой долг («...а что за хитрость? работал честно на земле, вот и все»), к тому же причуввавший детей своих с малых лет трудом зарабатывать хлеб насущный (вспомним первую пахоту Олеши, когда ему было 9 лет), то глава семейства Козонковых — человек, ищущий легких путей: «Все больше рассуждал да на печке зимой грелся, а летом не столько сено косил, сколько рыбу удил». Такое «необязательное» отношение и к труду и к детям («А на кой фур мне эта подсека? На мой век и прежних полос хватит. А ежели сыновья вырастут, так пусть сами и смекают. Я им не мальчик, об ихней доле заботиться») накладывает прямой отпечаток на характер и судьбу всей семьи.

Итак, ничто не ускользает от внимания читателя: две жизни, две судьбы прослеживаются от истоков до времени, когда подводятся итоги. Но не только сами по себе интересны судьбы этих героев. Среди частей всего прозаического цикла «Плотницкие рассказы» наиболее самостоятельное, законченное произведение. После прочтения его кажется, что все вопросы разрешены, все судьбы пережиты, но... высказанная в самом начале произведения тревога по поводу «нового дома», проблема новой жизни, которая пришла на смену старой, пока еще не получает развития. А все остальные рассказы цикла посвящены именно этой теме. В то же время в зачатке цикла можно увидеть своеобразную «точку отсчета» для всех последующих произведений. Именно в «Плотницких рассказах» со всей широтой и глубиной показан «старый дом», который уже нельзя сохранить неизменным даже в «отремонтированном виде». Но в то же время его бездумное разрушение грозит гибелью не только старому, но и новому.

Старая деревня отжила свой век. Но писатель радуется за разумное сохранение всего лучшего из традиций прошлого — отсюда и бережное, внимательное отношение к нему в «Плотницких рассказах».

Речь идет о таких общечеловеческих ценностях, как добросовестность и честность в труде — этом залоге нравственной чистоты и силы личности (вновь вспомним отцов Олеши и Авионера).

О доброте и чуткости во взаимоотношениях: вспомним, как приветливо встречают Костю Зорина в деревне его односельчане.

О взаимоуважении и поддержке супругов: в этом смысле наиболее по-

казательства жизни Олеши Смолина с нелюбимой женой. Первая и незабываемая любовь к Тани до конца жизни хранится в его душе, стоит лишь вспомнить, как рассказывает Олеша о танце Тани: «Умирать буду, тот момент вспомню».

Но можно ли говорить о нелюбви к человеку, вместе с которым Олеша Смолин прожил жизнь? Столько теплоты, поддержки, трогательной заботы друг о друге видим мы у этих людей: как волнуется Олеша о предстоящей поездке жены в дальний незнакомый город на помощь дочери!

Речь идет и о долге материнства и отцовства как об одном из самых ответственных из возложенных на человека. И ни в коей мере он не должен восприниматься как тягость, как лишняя обуза. Выразителем эпизод колхозного собрания, куда женщины пришли с детьми: «Бабы сидели около хозяйки дома, у которой тоже был младенец, и по очереди брали на руки то одного ребенка, то другого, обстоятельно хвалили каждого и качали на руках, а ребятишки сучили ногами и розовыми губами пускали веселые пузыри».

Все здесь пронизано любовью, счастьем материнства, радостью земного человеческого бытия.

Вот эти общечеловеческие ценности и хранит «старый дом» — есть в нем, конечно, и что-то отжившее, мешающее новой жизни, но есть и то вечное, непреходящее, что объединяет людей разных поколений, делает возможным движение и развитие жизни.

Жизнь казалась хорошей и радостной. Еще более удивительной и радостной представлялась она в будущем.

(Плотницкие рассказы)

Остальные рассказы цикла посвящены проблемам современной жизни. Причем в центре внимания писателя жизнь, в чем-то неудавшаяся, несостоявшаяся, неблагополучная. Настроение тревоги, несбывшихся надежд становится лейтмотивом цикла. Не случайно во всех рассказах героев есть слова, в которых звучит неудовлетворенность. Так начинается рассказ о своей жизни Константин Зорин: «Память тасует мою биографию, словно партнер по преферансу карточную колоду. Какая-то длинная получилась пуляка... Длинная и путаная. Совсем не то, что на листке по учету кадров. Там-то все намного проще...» Олеша Смолин говорит о себе: «Ты... про мою жизнь лучше не спрашивай. Она у меня вся как расхожая библия: каждому на свой лад». Слова Тани из «Моей жизни» о юности: «Тогда все вокруг казалось таким интересным», — подтверждают то же впечатление.

Даже сами названия рассказов заставляют в ходе чтения насторожиться, обратить внимание на ненормальность каких-то привычных явлений повседневности.

«Воспитание по доктору Споку» — рассказ о том, как Тоня воспитывает дочь по рекомендации известного педиатра: четкий режим, ежедневные прогулки перед сном — все как рекомендовано. Но не замечает Толя, что Лялька заболела, что ей нужно лечь в кровать, а не идти на прогулку. Нет у нее чуткости, материнского чутья, а без них мудрые рекомендации превращаются в бессмысленный формализм. «Да, от Спока тут ничего уже не осталось». И обнажается скрытая протия названия: «Воспитание по доктору Споку»...

Но рассказ не только о воспитании. Многие обычные дела, привычные поступки героев вдруг обнаруживают свою несостоятельность, бессмысленность: производственные совещания, где Зорину удается «подремать, даже поспать», а Фридбург, «уткнувшись в журнал», мирно обсуждает с Голубевым прочитанное; административные комиссии, которые должны «разбирать» по поступившему сигналу вовсе незнакомых им людей да еще и наставлять их на «путь истинный». А само обращение «к общест-

венности» с жалобой на «недостойное поведение в быту и семье» одного из супругов, ставшее привычным явлением в жизни? Это ведь в самом деле, как считает Зорин, «предательство» по отношению к близкому человеку: «Зорин глядит на листок и еле сдерживает свое бешенство. Почерк до того знаком, что от обиды в горле появляется спазм, ладони потеют». Не ладятся взаимоотношения Кости и Тони. Взаимные обиды, недовольства, частые ссоры — так проходят «обычные будни... у прораба Зорина». Так проходит жизнь Зорину уже 40.

40 лет исполняется и героине рассказа «Моя жизнь» Тане. Время подводить какие-то итоги, подводить черту под прожитым и пережитым. И Таня печатает «свою личную автобиографию», просто так, для себя.

Перед читателем проходит жизнь нелегкая, опаленная трудным военным временем. Голод, потеря родных — самые тяжкие испытания выпадают на долю Тани. Но что же в итоге? Как-то незаметно входит и остается в этой женщине понятие о счастье как о сытой, обеспеченной жизни. «Мы снимали с ним комнату у одной хозяйки и жили счастливо, хотя с продуктами было еще трудно. Но Толик хорошо зарабатывал, я тоже, и мы жили с ним очень дружно»; «Мы жили с Виктором очень дружно, никогда у нас не было никаких разногласий. Деньги он все отдавал мне, обе полочки. Я получала еще алименты с первого мужа и копила на обстановку». Так Таня рассказывает о жизни и с первым и со вторым мужем. Кажется, все благополучно. Но в какой-то момент, не простив обиды, уходит Толик; уезжает и Виктор со словами: «Этого я тебе никогда не прощу». Обиды, ссоры, непонимание.

И завершается исповедь горькой нотой: «Завтра мне исполняется сорок лет; мой знакомый опять припрется с цветами, а я не знаю...»

Вновь перед нами жизнь неудавшаяся. Все было — и любящий человек, и зарплата хорошая, и работа «в коллективе», — а счастья не получилось. Да получилась ли и сама жизнь — та, о которой можно рассказать без стыда?

«Моя жизнь» — такова ли она должна быть у человека?

«Свидания по утрам» — рассказ о регулярных свиданиях Кости Зорина по субботам утром с дочерью (после развода с Тоней). Разве это естественная ситуация? Пусть она привычна в нашей современной жизни, но писатель вновь и вновь подчеркивает: щемящей сценой встречи двух родных, таких близких, но вынужденных жить врозь людей — Кости и Ляльки, — и самим названием рассказа — нарушение каких-то необходимых традиций, каких-то норм человеческой жизни.

Всю жизнь в своих полах путаюсь и выпутаться не могу. То ли полы длинные, то ли ноги кривые, уже и не знаю. А может, меня люди запутали?

(Плотницкие рассказы)

Почти во всех рассказах — повествование от первого лица: говорят сами герои, говорят о самих себе и о тех, кто живет с ними рядом. Такая организация повествования не только позволяет заглянуть в душу героя, но и подчеркивает ограниченность его точки зрения, замкнутость в самом себе. Напряженная, тревожная окраска повседневной жизни, постоянная борьба друг против друга — все это характерно для героев. Сходны они и тем, что ни один из них не умеет ответить на вопрос: «Кто виноват?» Каждый склонен винить другого, только не себя.

В ссорах Кости и Тони постоянно звучат обвинения друг другу: «Посмотрел бы лучше на себя...»

И Таня в своем рассказе-исповеди говорит о свекрови: «Я ничего не могу сказать о ней плохого. Но это из-за нее распалась наша семейная жизнь...»

Вновь и вновь читатель ощущает автономность, замкнутость героев в самих себе, осколочность и фрагментарность протекающей на его глазах жизни. Нет, нельзя верить герою-рассказчику. Видимо, самому читателю нужно найти ответ на тревожащий вопрос: кто жизнь нашу запутал?

Прозаический цикл В. Белова требует читательской активности, умения увидеть невидимые для героев связи между ними, зависимость их друг от друга, оценить переключки между частями цикла.

Однотипны ситуации ссор супругов и в «Моей жизни», где рассказ идет о Тане: «Он был горячий, но я не уступала»; и в «зоринском цикле»: «...жена, как и всегда, почему-то считала своим долгом не поддерживать, а бороться со мною». И отношение к детям так сходно у Тони и Тани. И множество других параллелей.

Но самое главное — вдруг обнаруживается, что очень сходные ситуации встречаются и в «Плотницких рассказах». Но каким различным оказывается их содержание: там совсем иные отношения и к детям (вспомним эпизод колхозного собрания), и к близким, и к незнакомым людям.

Такие постоянные идейно-тематические ассоциации и переключки позволяют обнаружить родственные связи между «старым» и «новым» домом и различные формы разрывов между ними. Читатель приходит к пониманию необходимости сохранить не потерявшие значения и в новом времени традиции. По-видимому, счастливая жизнь возможна лишь в союзе с другими людьми, на общем фундаменте непреходящих духовных ценностей.

Они пели, склонив свои синие
головы...

(Плотницкие рассказы)

И о насущной необходимости добра, внимания, терпения говорит нам писатель. «Я взглянул на жену. Она сидела на камне. Глаза ее густо, как мне показалось, блеснули в свете костра. Я сел рядом, обнял ее за плечи и вдруг почувствовал, что она, как давно, в молодости, легонько прижалась ко мне. Я сжал ее плечи, она застегнула мой ворот.

— Костя... Ты не простудись?»

Я поцеловал ее в холодное ухо(...) Все точь-в-точь как с этим костром или с нашими ссорами! Крохотная, едва уловимая нежность отзовется в тебе вдесятеро, а там шире, дале...»

Вот этого и не хватает героям нашего цикла: вместо злости, ожесточения, борьбы не за, а против друг друга побольше бы доброты, внимания, чуткости... И воздастся сторицей.

В цикле В. Белова цепная реакция добра так или иначе проявляется, пробивает себе дорогу как глубинная, объективная необходимость жизни. Характерны в этом смысле финалы рассказов — финалы «переоценки».

В «Плотницких рассказах» создаются две противоположно окрашенные эмоциональные линии: симпатия и уважение к Олеше и антипатия и неприятие Козонкова (и его поступков, и даже внешности; не случайно повторяется деталь: «Руки у него были белые, с тонкими, совсем не крестьянскими пальцами»). А в финале повести разрушается этот зоринский подход (поскольку именно Зорин здесь выступает в роли слушателя, который воспринимает и оценивает рассказы других героев): «Боже мой, что это? Я не верил своим глазам. За столом сидели и мирно, как старые ветераны, беседовали Авионер и Олеша. Не было ни крику, ни шуму».

Неудавшаяся попытка Зорина расставить точки над «и» неожиданно, без постороннего вмешательства разрешается установлением мира и дружбы. И предстает новое миропонимание, которое, накладываясь на точки зрения Зорина, Смолина, Козонкова (главных героев-рассказчиков «Плотницких рассказов»), обнаруживает половичатость, определенную ограниченность их взглядов. Рождается новая мерка подхода к героям.

Такой финал-«переоценка» выводит читателя на новую, более высокую

ступень восприятия, с позиции которой герои, кроме подчеркиваемой до этого разности, обнаруживают и единство. Просветленный, хотя и грустный, мотив этого финала вновь подводит читателя к авторской мысли о насущной необходимости единства и связи всех людей — фундаменте радости, мира и счастья в человеческих отношениях. И дело, видимо, не в том, чтобы закрепить разобщенность героев дав им определенную оценку, как это пытается сделать Костя Зорин, а в том, чтобы преодолеть эту разобщенность.

Ежели и сам в евоинной компании...

(Плотничкине рассказы)

Но не только о необходимости добра и любви, а и об огромной ответственности человека перед жизнью, людьми, самим собой говорит нам писатель. Не случайно в «Плотничкиных рассказах» — стержне всего цикла — встречаем эпизод, который приобретает символическое значение: Авипер, а потом и Олеша, на него глядя, отбирают ягоды у Тани, да больше рассыпают, чем едят. Заплакала Таня от обиды: «И вот, друг мой, до того мне жалко ее, что охота этому Виньке в ухо треснуть. А как треснешь, ежели и сам в евоинной компании?»

В такой ситуации человеку трудно быть активным в борьбе со злом. Увидеть и понять это читателю помогает, кроме всего прочего, образ главного героя Кости Зорина — самого страдающего, самого несчастного и, по всей видимости, самого близкого автору.

Нравственные качества Кости Зорина, с одной стороны, максимально развиты, а с другой — нейтрализованы собственными же поступками.

Центральное место в характеристике героя занимает, пожалуй, ситуация, воспроизведенная в рассказе «Чок-получок» (может быть, именно поэтому он поставлен автором в финал цикла).

Поехав за город на выходные дни, Зорин надеялся «на стабилизацию» установившихся мирных отношений с женой, надеялся побыть «...в тишине, вдвоем с Тоней, с шелестом первого несмелого листопада, с прозрачностью этого воздуха, с этой грибной, лиственной и речной свежестью». Но... оказалось, что рядом стоит чужая палатка, и ничего не оставалось делать, как «включиться в очередную игру»: знакомство, утреннее чаепитие, разговоры, «соревнование по остроумию». И вершина этой бессмысленной игры — «рулетка» («...в ней могут участвовать только царские офицеры», «где-нибудь после пирушки» пуская по кругу браунинг с одним патроном). Правда, желающих «испытать судьбу», как «настоящие мужчины», не находится. Все пасуют перед Вадимом, предлагающим эту игру. Отказывается и Костя, но, кажется, именно от него и хотят услышать согласие стреляться: и Вадим, в последнюю очередь подошедший к нему, и Толя, у которой при отказе Зорина, как ему кажется, глаза «то ли... сузились, то ли загорелись каким-то недобрым, полным горечи и обиды огнем».

Вот тут и происходит то, что «...было так нелепо, так глупо» и о чем Костя Зорин все же «не жалеет».

Он начинает «...разглядывать себя со стороны, подсмеиваться, жалеть, издеваться и предостерегать, разбирая себя по косточкам». И наконец под утро один с ружьем и патронами Зорин уходит к реке. Лишь «недоуменная собачья морда» — Джек — глядит на него в эти мгновения. И Костя стреляет. Он не трус, он примет вызов. «Я хочу уважать самого себя, — проносится у него в голове, — вот что важно...» Только патроны, оказалось, все были разряжены.

Конфликт героя с окружающим достигает своего апогея. Выбранная им линия поведения не только не помогает изменить неприемлемые для него отношения, преодолеть различие, но и усугубляет разрыв, порождает новое зло и отчуждение.

Авторская задача состояла, видимо, не в том, чтобы раскрыть «хитрость» придуманного Вадимом развлечения: «ездить на охоту», «ловить таких дураков, как я...» — как заключает Зорин в конце рассказа, а в том, чтобы выявить глубокую фальшь самой игры в Жизнь и Смерть. Утрата главного, коренного в человеке: уважения к бытию всего и всех, и как следствие — утрата истинных связей, основанных на доброте, уважении, чувстве ответственности, — вот то, что по-настоящему тревожит писателя. Утверждение своей значимости, реализация таких человеческих качеств как сила, мужество, готовность к большим поступкам, находит воплощение в пгре, в пустой и глупой трате сил.

Название рассказа как раз и подчеркивает, с одной стороны, действительно проявленные Зориным большие силы, потенциальные возможности, а с другой — ложную их реализацию: «получок» — такого понятия не существует, есть два ствола у охотничьего ружья: чоковый и нечоковый. В описанной ситуации рождается нечто третье: и имеющее отношение к существующему («чок»), и стоящее все же вне круга реальных понятий («получок»). Так и проверка Зорина оказалась «полупроверкой», и вовсе не потому, что патроны были холостыми, а потому, что цель проверки оказалась ложной.

В этом смысле можно говорить о «половинчатости» характера Зорина: отличаясь пониманием важного-неважного, истинного, ложного и определенной нравственной высотой, Зорин все же оказывается на одном уровне с неприемлемыми для него людьми, так как не проявляет достаточной убежденности, веры в себя, самостоятельности и, главное, способности отстоять свою правоту. Отстоять не в ущерб кому-то, а во имя той высшей правды, которая необходима всем людям. Подобные противоречия личностного развития можно проследить и у других героев цикла.

Все же герои В. Белова стремятся к «гармонии, определенности, счастливому миропорядку». Неприятие ими зла, безобразия, «грязи» жизни, безусловно, завоевывает читательские симпатии. Но подняться до способности из «грязи» создать прекрасное (как ласточкины гнезда, о чем символично рассказано опять же в «Плотницких рассказах») герои не в состоянии. Вместо позитивного преодоления невзгод, несовершенств жизни их отличает зло, ожесточение, борьба против, борьба во что бы то ни стало. Герои не умеют преодолеть свои несчастья...

И все же...

Ну и жизнь пошла!

Занятная. Умирать неохота.

(Плотницкие рассказы)

И все же где-то глубоко, в сердцевине беловского цикла, бьется жизнеутверждающая мысль о непреходящей ценности человеческого бытия, о необратимости и красоте его мгновений.

Умение ценить жизнь во всех бесконечных проявлениях ее учат нас наиболее дорогие автору герои, и прежде всего Олеша Смолин: «А я, мой друг Константин, еще скажу, что сроду так не делал, чтобы, осердясь на вошей, да шубу в печь».

Страстное желание видеть человека счастливым, обидя за жизнь несостоявшуюся — это авторское чувство становится все сильнее и сильнее по мере развертывания цикла. А призыв: «Посмотри вокруг! Оглянись на живущих рядом!» — оказывается одним из главных среди его идей.

И читатель остро чувствует потребность «помирить» живущих под одной крышей, увидеть их близкими, любящими и любимыми.

Возможно ли это? Тут автор, предоставив максимальную возможность высказаться каждому своему герою, оставил право расставить точки над «и» самому читателю. С глубокой верой в ум и пронзительность его, в его способность найти и утвердить родственные связи «старого» и «нового» дома в противовес различным формам разрыва между ними.

Каждый читатель тем самым заражается стремлением к тому жизненному ладу, о котором прекрасно написал В. Белов в своих недавних очерках о народной эстетике. И в начале и в конце этих очерков с особенной настойчивостью утверждается мысль о связи времен, о единстве и цельности народной жизни, о традициях истории и культуры, без которых нет подлинной личности: «Мир для человека был единое целое... Все было взаимосвязано, и ничто не могло жить отдельно или друг без друга, всему предназначалось свое место и время. Ничто не могло существовать вне целого или появиться вне очереди. При этом единство и цельность вовсе не противоречили красоте и многообразию... Хорошую жизнь пронизывает лад, настрой, ритм, последовательность в разнообразии. Такой жизни присущи органическая взаимосвязь явлений, естественное вытекание одного из другого. И наоборот, плохая жизнь — это разлад, хаос, кавардак, сбой, несурaziца, неосновательность, «пошехонство». В книге «Лад» наиболее прямо и непосредственно выражается та присущая народной культуре глубинная взаимообусловленность и «складность» жизни, которой так не хватает порой героям рассказов В. Белова и к которой они так стремятся — пусть стремление это не всегда ими ясно осознается.

Глубокое единство конфликта, сюжета, повествования во всех рассказах позволяет ощутить необходимость именно цикла как единственно возможной формы авторского эпического воссоздания и преобразования раздробленной, фрагментарной жизни. Во внутренних «всеоживляющих» связях этих фрагментов обнаруживается коренная закономерность развития бытия: его внутренняя устремленность к целостности и единству личности, народа, человечества. Именно здесь основной источник всяческих недовольств своей жизнью и общей «жажды исповедания»; здесь же и основа той личной ответственности, которой требует истинно человеческая жизнь.

